

«Вы чувствуете, что умираете?» – голос Лу Цинцзю дрогнул от слов Цзян Бухуаня.

«Да. Я чувствую, как смерть подступает, – Цзян Бухуань говорил глухо, словно каждое слово давалось ему с трудом. – Нервы натянуты до предела. Один неверный шаг – и случится непоправимое. Мои друзья чувствовали то же самое. Мы договорились вернуться в Шуйфу, чтобы разобраться, в чём дело. – Он вздрогнул, будто холод пробежал по его спине. – Но по дороге сюда случилась авария. Их машина сорвалась с обрыва...»

«Почему вы решили искать ответы именно в Шуйфу?» – спросил Лу Цинцзю, прищурившись.

«Потому что всё началось после того, как мы покинули это место, – Цзян Бухуань почти задыхался от волнения. – Вы – единственный нормальный человек, которого я здесь встретил. Скажите, вы знаете что-нибудь об этой деревне? Об этом старом доме?»

Лу Цинцзю нахмурился: «Я ничего не знаю».

Но Цзян Бухуань не поверил. Он вцепился в руку Лу Цинцзю, как утопающий хватается за соломинку: «Умоляю, скажите мне. Я не знаю, что делать. Если я не пойму, в чём дело, если не решу эту проблему, я действительно умру!»

Лу Цинцзю задумался: «Вы сказали, что позвонили друзьям и узнали, что они не помнят, как договаривались с вами ехать?»

«Да. У них не осталось ни следа тех воспоминаний».

«А вы не допускали мысли, – голос Лу Цинцзю стал тише, – что тот, кто позвал вас сюда, вовсе не был вашим другом?»

Лицо Цзян Бухуаня окаменело.

«Возможно, у того, кто привёл вас сюда, была своя причина... – добавил Лу Цинцзю. – Впрочем, это лишь догадка».

Инь Сюнь, который всё это время жевал клубнику, вздрогнул и пробормотал: «Чем больше вы говорите, тем жутче становится. Неужели в этом мире так много призраков?»

Лу Цинцзю бросил на него быстрый взгляд и коротко бросил: «Иди почисти колодец во внутреннем дворе».

Инь Сюнь поперхнулся. Чёрт. Он совсем забыл о той Мисс призраке, что снабжала их водой.

Цзян Бухуань ничего не понял из их намёков. В отчаянии он схватил Лу Цинцзю за руку: «Умоляю, спасите меня! Вы живёте здесь так долго, вы должны что-то знать!»

«Успокойтесь», – сказал Лу Цинцзю.

Но Цзян Бухуань не мог успокоиться. Он цеплялся за него, как за последнюю надежду.

Атмосфера накалялась, но вдруг заговорил Бай Юэху, сидевший поодаль. Голос его был тих, но Лу Цинцзю слышал каждое слово: «Останься на три дня».

Лу Цинцзю опешил. Инь Сюнь тоже замер. Неужели Бай Юэху, который только что смотрел на Цзян Бухуаня как на врага, вдруг решил оставить его? Может, то, что привлекло Цзян Бухуаня, как-то связано с самим Бай Юэху?

Цзян Бухуань, человек проницательный, сразу понял, что Бай Юэху здесь не последняя фигура. Он поспешно поклонился: «Я заплачу любую цену. Только позвольте мне остаться. Здесь, во дворе, я впервые за долгое время почувствовал облегчение. Даже ваш страшный взгляд – и то лучше, чем ощущение, что смерть дышит в затылок».

Лу Цинцзю не было дела, останется ли Цзян Бухуань. Его мучило другое любопытство: почему Бай Юэху, едва перемолвившись с ним парой фраз, вдруг предложил ему остаться?

«У вас есть багаж? – Лу Цинцзю поднялся. – Я провожу вас в гостевую комнату. Отдохните».

Тёмные круги под глазами Цзян Бухуаня были отчётливы, но, благодаря красивым чертам, они казались скорее дымчатым макияжем, чем следом бессонницы.

«Спасибо. Огромное спасибо», – выдохнул он.

В доме ещё оставалось несколько свободных комнат. Лу Цинцзю привёл Цзян Бухуаня с чемоданом в одну из них и вкратце объяснил, как пользоваться ванной и туалетом, а также предупредил: не выходить во внутренний двор, не трогать кур.

Цзян Бухуань сидел на кровати и послушно кивал. На вид ему было не больше двадцати одного. В его возрасте другие ещё учатся в университете. Но он, окунувшись в мир шоу-бизнеса, повзрослел слишком рано, и в его лице почти не осталось детского.

Лу Цинцзю уже собирался уйти, когда Цзян Бухуань нерешительно окликнул его: «Простите... Можно?»

«М?» – Лу Цинцзю обернулся.

«Я не ел целый день... Можно мне что-нибудь? – он смущённо кашлянул. – Я заплачу».

Лу Цинцзю улыбнулся: «Деньги не нужны. Подождите, я принесу».

На кухне не осталось готовой еды, поэтому он взял несколько помидоров, чтобы успокоить голод гостя.

Увидев помидоры, Цзян Бухуань испуганно замер: «Это... мне можно их есть?»

Взгляд Бай Юэху, способный, казалось, разрубить человека надвое, всё ещё стоял у него перед глазами.

«Всё в порядке, ешьте», – успокоил его Лу Цинцзю. Раз Бай Юэху разрешил ему остаться, значит, и есть здесь ему позволено. Даже если его лис ревниво охраняет свою еду, он не мелочен.

«Спасибо», – Цзян Бухуань с благодарностью взял помидоры и начал жадно есть, словно не видел пищи несколько дней.

Лу Цинцзю вышел и вернулся во внутренний двор.

Бай Юэху всё ещё сидел там, ел клубнику, и губы его покраснели от сока. Увидев Лу Цинцзю, он первым делом сказал: «Не давай ему мои помидоры».

Лу Цинцзю вздохнул. Только что он мысленно похвалил его за благоразумие.

«А что ему тогда есть?»

Бай Юэху невозмутимо ответил: «Разве Инь Сюнь тоже не выращивает овощи?»

Инь Сюнь поднял голову: «А?»

«Отдай ему то, что вырастил Инь Сюнь», – закончил Бай Юэху.

Инь Сюнь возмутился: «Ты что, издеваешься? Чем мои овощи хуже?»

«Тогда ешь их сам», – холодно бросил Бай Юэху.

Инь Сюнь сразу сник. У него не было такого зелёного пальца, как у Бай Юэху. Все его овощи росли чахлыми – морковь размером с мизинец. Он и сам удивлялся, как выжил, питаясь лишь

этим.

Лу Цинцзю расхохотался. Успокоившись, он спросил серьёзно: «Зачем ты велел ему остаться?»

Судя по тому, как Бай Юэху относился к Цзян Бухуаню, он должен был прогнать его, а не оставлять.

«От него исходит странный запах», – ответил Бай Юэху.

«Странный?»

«Да. Очень необычный. Я хочу понаблюдать несколько дней».

Лу Цинцзю кивнул. То, что обратило внимание на Цзян Бухуаня, оказалось настолько особенным, что заинтересовало даже Бай Юэху. Это было интригующе.

С согласия Бай Юэху Цзян Бухуань поселился в доме. По словам Инь Сюня, он занял его место, став существом самого низкого ранга – возможно, даже ниже кур во внешнем дворе.

Но, хотя Бай Юэху запретил Цзян Бухуаню есть свою еду, Лу Цинцзю не мог вынести, чтобы тот голодно смотрел на них за столом. Смотреть, как кто-то с вожделием глядит на твою тарелку, было слишком неловко.

Цзян Бухуань тоже понимал, что ему здесь не рады. Он осторожно садился за стол, низко склонял голову над миской, ел только то, что лежало прямо перед ним, боясь, что, если съест лишнее, Бай Юэху вышвырнет его вон. А тогда его маленькая жизнь была бы обречена.

На следующий день должна была приехать Чжу Мяомяо, и Лу Цинцзю отправился на пикапе на станцию встречать её.

Зная, что здесь трудно достать продукты, Чжу Мяомяо привезла целые сумки закусок, а также два ящика свежих вишен и манго. Инь Сюнь и Бай Юэху никогда их не пробовали, и Лу Цинцзю уже представлял их счастливые лица.

«Ох, я столько всего привезла, – тараторила Чжу Мяомяо в машине. – Тащить это – сущий ад. Но, Цинцзю, тот мёд, что ты мне прислал, был просто божественным. Если будет лишний, пришли ещё».

«Хорошо, без проблем», – ответил Лу Цинцзю.

Маленькие «пчёлы» дома производили мёд с невероятной скоростью. Через несколько дней он

сможет собрать ещё несколько банок, чтобы Чжу Мяомяо увезла с собой.

Перед тем как вернуться, Лу Цинцзю предупредил её: «У нас гость».

«Ага», – беззаботно отмахнулась Чжу Мяомяо. Она решила, что это какой-то родственник, которого она всё равно не знает.

Припарковав пикап, Лу Цинцзю взял вещи и вошёл во двор вместе с Чжу Мяомяо. В тот миг, когда она ступила во внутренний двор, она замерла, увидев того, кто стоял перед ней. Ей показалось, что у нее галлюцинации. Она грубо протёрла глаза – нет, это было реально.

«Какого черта, какого черта, почему я вижу Цзян Бухуаня? Может, я сплю?..»

Она не просто видела Цзян Бухуаня – она видела, как он, стиснув зубы, держал совок и помогал Инь Сюню выскрести куриный помет во дворе.

«Ты не спишь, – спокойно произнес Лу Цинцзю. – Разве я только что не сказал, что у нас гость?»

Чжу Мяомяо взвизгнула: «Но ты не сказал, что этот гость – Цзян Бухуань!!!»

«А сейчас сказать – уже поздно?»

Лу Цинцзю не успел договорить, как Чжу Мяомяо, словно ураган, подлетела к своему кумиру и принялась кружить вокруг него. «Цзян Бухуань, Цзян Бухуань, живой Цзян Бухуань!!!»

От её выходок на лице Цзян Бухуаня проступила растерянная улыбка. По правде говоря, за время в этой деревне он почти забыл, что был знаменитостью. Он не чувствовал себя желанным гостем – скорее, боялся, что его отвергнут и вышвырнут вон. Он ступал по тонкому льду. Чтобы доказать свою полезность, несмотря на сломанную руку, он заставил себя до блеска вычистить двор. Восторг Чжу Мяомяо заставил его ощутить странную неловкость, словно он стоял на сцене в чужом костюме...

«Вы настоящий?» – Чжу Мяомяо замерла перед ним, широко распахнув глаза.

Цзян Бухуань кивнул: «Настоящий...»

«О боже мой, он настоящий! И даже может говорить!!!» – снова завопила она.

Цзян Бухуань: «...»

Наблюдая за этой сценой, Лу Цинцзю не сдержал улыбки. «Цзян Бухуань, хватит убираться. У вас же рука ранена».

Цзян Бухуань поспешно махнул здоровой рукой: «Пустяк, просто царапина».

Инь Сюнь уже бросил метлу и, сверкая глазами, облизывался над гостинцами, которые принесла Чжу Мяомяо: «Это то самое легендарное манго? Я такое только в книжках видел».

«Давай я почищу», – вызвался Лу Цинцзю.

Инь Сюнь энергично закивал.

Манго, привезённое Чжу Мяомяо, было отборным – зелёные, сочные, доставленные самолётом прямо из тропиков. Мякоть толщиной в ладонь, сладкая и тающая. Такие фрукты здесь не росли, их можно было только покупать. А городок был маленький – ни супермаркетов, ни дорогих импортных товаров. Заказывать через интернет – лотерея: никогда не угадаешь, что придёт.

Инь Сюнь уже уткнулся носом в манго, с наслаждением вгрызаясь в ароматную мякоть. Чжу Мяомяо всё ещё восторженно щебетала над своим кумиром. Цзян Бухуань от её напора чуть не уронил совок с куриным помётом себе на ноги.

Когда Бай Юэху вернулся, двор встретил его шумом и гамом. Лу Цинцзю испугался, что это его разозлит, но вишни и манго, привезённые Чжу Мяомяо, отвлекли двоих гурманов. В итоге картина вышла почти идиллической: Бай Юэху и Инь Сюнь сидели рядом, уплетая фрукты, Цзян Бухуань отчаянно боролся с куриным помётом, а Чжу Мяомяо, казалось, готова была сама превратиться в кучку помета, лишь бы быть ближе к кумиру.

Лу Цинцзю смотрел на них с довольным видом старого отца, созерцающего, как его дети гармонично ладят друг с другом.

С приездом Чжу Мяомяо дом снова ожидал пир. Лу Цинцзю загодя закупил свежайшие продукты – даже морепродуктов набрал, планируя роскошный обед.

Варёные креветки, тушёная говядина, курица гунбао, острая капуста с жареной свиной грудкой, грибы с курицей, холодный салат из медуз и огромная тарелка ярко-красного мяса в соевом соусе – стол ломился от яств.

Красное мясо было коронным блюдом Лу Цинцзю. Запечённое в духовке, оно потеряло лишний жир, став нежным и упругим. Затем он добавил кристаллический сахар, соевый соус и горсть специй, тушил полчаса, пока мясо не впитало все соки. Кусочек таял во рту, а слоистое мясное брюшко могло укрыть с десятков мисок с рисом.

Счастливая Чжу Мяомяо уселась рядом с Цзян Бухуанем, без умолку болтая со своим кумиром.

Возможно, съев её фрукты, Бай Юэху смилостивился и не мешал Цзян Бухуаню есть. Тот впервые по-настоящему попробовал стряпню Лу Цинцзю. Откусив красное мясо, он изумлённо замер: «Вы потрясающе готовите».

«Всё дело в мясе», – отмахнулся Лу Цинцзю.

Мясо принёс Бай Юэху. Чьё оно было – неизвестно, но на вкус – куда лучше свинины, без неприятного запаха.

«Да бросьте», – Цзян Бухуань решил, что Лу Цинцзю просто скромничает. Чем дольше он здесь оставался, тем яснее понимал: эти люди – за гранью его понимания.

Взять хоть Бай Юэху – его внешность сама по себе была из ряда вон. Цзян Бухуань вошёл в шоу-бизнес в двенадцать, вся его семья вертелась в этом мире. Но даже видел столько звёзд, он не встречал столь утончённой красоты. Если бы Бай Юэху захотел в индустрию, он бы быстро стал мега популярным.

Чжу Мяомяо, отведав стряпни Лу Цинцзю, зажмурилась от блаженства: «Кстати, Цзян Бухуань, а почему вы здесь живёте?»

Цзян Бухуань: «...Я в отпуске». Не говорить же, что боится умереть.

«Вы знакомы с Бай Юэху?»

Он прокашлялся: «Нет... Просто раньше здесь снимали программу, так случайно вышло...» – ответил он уклончиво.

Чжу Мяомяо показалось это странным, но она не стала лезть в душу. В конце концов, у каждой звезды свои причуды.

После обеда Цзян Бухуань вызвался мыть посуду, но Чжу Мяомяо его остановила: одна рука в гипсе, болтается на перевязи – какой из него мойщик?

«Идите отдохните, – сказал Лу Цинцзю, зная, что тот всё ещё боится, что его вышвырнут. – Ближайшие несколько дней ничего не случится».

Цзян Бухуань горько усмехнулся.

«Я снова поеду в город, – продолжил Лу Цинцзю. – Хозяин магазина семян сказал, что

привезли новые саженцы. В этот раз – мангустан. Мне специально их заказали».

Здесь мангустан никто не выращивал, даже не пробовал. Но Лу Цинцзю обожал эти фрукты – кисло-сладкие, с освежающим вкусом, пусть и мякоти в них – кот заплакал.

«Я с тобой», – поднял руку Инь Сюнь.

«Ладно, – кивнул Лу Цинцзю. – Заодно захвачу оборудование. Сегодня вечером устроим барбекю во дворе».

Когда народу много, барбекю – самое то. Весна стояла тёплая, ночи не холодные, ветерок доносил слабый аромат цветов.

Раньше Лу Цинцзю побоялся бы оставлять Бай Юэжу и Цзян Бухуаня наедине, но теперь здесь была дружелюбная Чжу Мяомяо – атмосфера, наверное, будет не слишком напряжённой.

Купив саженцы, Лу Цинцзю и Инь Сюнь отправились арендовать гриль, но, поразмыслив, просто купили полный набор у хозяина. Место во дворе есть – пусть стоит. В следующий раз не придётся тащиться в город.

Всю дорогу обратно Инь Сюнь мечтал о вечернем угощении, его глаза сияли.

Когда всё принесли во двор, Лу Цинцзю принялся готовиться. Мясо нужно было нарезать и замариновать, приправы – лук, чеснок, специи – приготовить заранее. Но народу много, работа спорилась, и Лу Цинцзю не пришлось надрываться.

Все болтали, работая, и закусывали гостинцами Чжу Мяомяо, словно на весеннем пикнике. Весна успокаивала душу и разум. Лу Цинцзю даже нарвал распутившихся персиковых веток неподалёку от деревни – подумывал сделать настойку из персиковых лепестков.

После хлопот всё было готово. Лу Цинцзю разжёл угли и начал жарить.

Больше всего приготовили говяжьих шашлыков. Мясо тонко нарезали, нанизали на бамбуковые шпажки, приправили и бросили на огонь. Быстро обжарили на сильном пламени, посыпали перцем чили и зелёным луком. Двор наполнился дразнящим запахом жареного мяса.

Поджарив сотню шашлыков, Лу Цинцзю передавал их по одному, одновременно запекая баклажаны с чесночной пастой, нежный тофу и другие продукты, требующие больше времени.

Под барбекю выпили немного вина. Атмосфера во дворе стала особенно тёплой.

Раненый Цзян Бухуань пить не мог, поэтому открыл колу и чокался ею с Чжу Мяомяо. Настроение у него было неплохое: улыбка стала шире, исчезла прежняя меланхолия.

Лу Цинцзю кормил маленького лиса, Сяо Хуа и Сяо Хэй. Цзян Бухуань принял лиса за пуделя и даже не заподозрил подвоха.

У Лу Цинцзю аппетит был скромный – съел кукурузу на гриле и насытился. Чжу Мяомяо слегка опьянела, тянула Цзян Бухуаня за рукав и требовала сплетен. Тот, сдаваясь, начал пересказывать: знаменитость А тайно влюблена в знаменитость Б, знаменитость В и знаменитость Г развелись... И так до бесконечности.

Инь Сюнь, тоже насытившись, похлопывал себя по округлившемуся животу, сидя в стороне и переваривая съеденное. Бай Юэху всё ещё продолжал есть. Лу Цинцзю всерьёз подозревал: даже если бы этот лис все припасы в доме, его бездонный желудок вряд ли бы наполнилась.

«Эх, когда же мне удастся накормить Бай Юэху до отвала?» – с лёгким сожалением подумал Лу Цинцзю.

Около десяти вечера вечеринка с барбекю подошла к концу. Лу Цинцзю вымотался за день и чувствовал изнеможение. Приказав Инь Сюню и Бай Юэху прибрать всё дочиста, он, готовясь к раннему отходу ко сну, отправился в душ.

Ночь озарял серп месяца – тонкий, но на удивление яркий. Сквозь усеянное звёздами небо медленно проплывали белые облака. Для города – зрелище редкое, но теперь, едва ли не каждый вечер, Лу Цинцзю мог любоваться им, просто усевшись у окна. Лу Цинцзю зевнул, подошёл к кровати и лёг. Спустя несколько минут он погрузился в глубокий сон.

Сначала он полагал, что, как и прежде, проспит до самого утра, однако в полночь Лу Цинцзю внезапно, словно от удара током, пробудился из забытья. Его охватил леденящий кровь ужас. Открыв глаза, он побоялся даже включить свет. Всеми силами стараясь контролировать дыхание, он не смел издавать ни единого лишнего звука. Это было сродни шестому чувству. Он зарылся лицом в одеяло, чувствуя, как бешено колотится сердце о грудную клетку.

«Ха-аф... Ха-аф...» – казалось, мимо его окна прошла какая-то тварь, издавая глубокие, прерывистые хрипы, но, прислушавшись, он понял: это не ветер, это дыхание было сильнее и тяжелее ветра.

Тело Лу Цинцзю неудержимо задрожало. Он хотел понять, что произошло, есть ли что-то за его окном. Подавляя страх, Лу Цинцзю медленно-медленно высунул голову из-под одеяла, всматриваясь в оконный проём, – и обнаружил, что за окном стоит непроглядная тьма. Он не видел ничего: ни луны, ни звёзд, ни облаков – лишь бесконечную, бездонную черноту.

Увидев это пятно мрака, он на миг заподозрил, что с глазами что-то не так, но тут же понял: сцена за окном черна не потому, что настала ночь – что-то заслонило проём, скрыв от него

луну и звёзды.

И тогда Лу Цинцзю узрел самое жуткое зрелище в своей жизни. Он заметил, как тёмное пятно за окном слегка дрогнуло. В этот миг он наконец осознал: окно загоразживал гигантский чёрный глаз. Одного этого зрачка хватало, чтобы целиком закрыть проём, и хозяин этого глаза сейчас вглядывался внутрь комнаты, явно заметив шевеление Лу Цинцзю на кровати.

Лу Цинцзю затаил дыхание. Он не знал, что за существо стояло перед ним, но одно было ясно: кем бы оно ни было, по сравнению с ним он был всего лишь муравьём.

«А-а-а!..» – раздался пронзительный крик. Голос Цзян Бухуаня. Этот вопль заставил монстра за окном медленно отвести взгляд; его интерес явно был привлечен. Чудовище моргнуло, а затем начало медленно двигаться, убирая свой исполинский глаз прочь, возвращая Лу Цинцзю луну и звёзды.

Наблюдая за тем, как это нечто уходит, исчезая из его окна, Лу Цинцзю не смел даже думать о том, куда оно направилось, и почему Бай Юэху никак не реагировал. Неужели Бай Юэху не справился с этим монстром? Значит ли это, что Бай Юэху пострадал? Или случилось нечто ещё страшнее? Сердце Лу Цинцзю в одно мгновение погрузилось в хаос. Стиснув зубы, изо всех сил подавляя животный страх, пронизывающий до самых костей, он поднялся с кровати. Осторожно толкнув дверь, он, спотыкаясь, направился туда, где жил Бай Юэху.

Автору есть что сказать:

Лу Цинцзю: Я должен защитить Бай Юэху!

Бай Юэху: Я тронут.

Лу Цинцзю: Даже не смей думать о том, чтобы причинить боль моему сыну и моему питомцу!!!

Бай Юэху: ???

Инь Сюнь: ????

Переводчику есть что сказать:

ессо: Атмосфера хоррора возвращается... Хотя, по правде, мне совсем не страшно – ведь здесь

есть Бай Юэху. Пожалуй, самый жуткий эпизод в новелле для меня – это случай с плачущим потерявшимся на горе ребёнком.

Ой, только сейчас поняла, что Су Си останется пуделем ещё года на два-три – ведь его папа сказал, что шерсть отрастёт только за это время.

Рохана: О, мистеру Баю ужин пожаловал!

Ах, бедный маленький лисёнок, его шёрстка... Т.Т Так долго ждать!

Эх, опять слюной захлёбываюсь при виде описания гор вкусной еды... Т.Т

<http://bllate.org/book/15722/1636388>